

ВИТАЛИЙ
ПРИДАТКО

ПЕРЕШАГНУТЬ
пропась

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Виталий Придатко
Перешагнуть пропасть

«Автор»

2026

Придатко В.

Перешагнуть пропасть / В. Придатко — «Автор», 2026

Так бывает: начинает рушиться то, что казалось незыблемым. Особенно тогда, когда кажется, что почти всего достиг в жизни: семья, просторный дом, любимая работа. Михаил Зюбровский волею судьбы оказался в такой ситуации. Что он чувствовал? Как переживал случившееся? Какой выбрал выход? И почему?

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Виталий Придатко

Перешагнуть пропасть

Глава

ПЕРЕШАГНУТЬ ПРОПАСТЬ

Глава 1

- Кажется, жизнь налаживается?! – подумал Михаил Зюбровский, садясь в недавно купленную иномарку.

Машина была не то что бы крутая, а скорее бюджетная, как принято говорить, но она ему безумно нравилась. Это был первый автомобиль Михаила, и он всё еще побаивался ездить. Нет, тот неописуемый страх, который овладел им, когда он впервые сел за руль, он почти поборол. И хотя он уже начинал понемногу привыкать к машине, даже порой позволял себе немного полихачить, но все же побаивался.

В автошколе Михаил быстро освоился: учебная «четырнадцатая» была как родная, да и инструктор всегда рядом. А тут всё иначе... тут он сам за всё отвечает.

Пристегнувшись, Михаил сначала посмотрел в боковые зеркала, затем - в зеркало заднего вида. Убедившись, что все в порядке, он задержал взгляд на своём отражении. Потянулся к зеркалу, внимательно рассмотрел лицо и, чтобы проверить чистоту бритья, провел рукой по щеке.

В этом округлом лице уже трудно было узнать прежнего спившегося человека, хотя следы прошлого ещё оставались: мешки под карими глазами предательски выделялись. Михаил взволнованно разглядывал себя. Еще бы – такой день! В принципе, все было решено давно. Всем это и так было понятно, а он всё не как не решался сказать. И вот решился! Сегодня он обязательно скажет Ольге! Именно поэтому так тщательно готовился. Еще бы - такой день!

Перемены к лучшему уже были заметны. Морщины на лбу и переносице разгладились, зато у глаз появились небольшие мимические морщинки. Михаил меньше стал хмуриться и чаще улыбался.

Пальцем поправил аккуратно постриженные усы. Всё не решался спросить у Ольги: сбрить их или нет? Его всё время волновал вопрос: мешают ли ей усы, когда они целуются?

В густых каштановых кудрявых волосах Михаила не было седины, лишь вески слегка тронула белизна – это наследственное. Его отец до глубокой старости сохранил естественный цвет волос.

Михаил отвел взгляд от зеркала и невольно посмотрел на свое брюшко. «Надо же, сам не толстый, – с досадой подумал он, – питался черти как, а живот вырос...»

Бросив пить, Михаил записался в тренажёрный зал. Тренер сказал, что он довольно неплохо сложен и, если серьёзно возьмётся за тренировки, то: «сможет утереть нос многим салажатам».

Повернув ключ в замке зажигания, Михаил с удовольствием посмотрел на вмонтированный в панель магнитофон. Еще недавно на его месте был бардачок для всяких мелочей, и он долго сопротивлялся: не хотел, чтобы в его машине был магнитофон. Боялся, что будет отвлекать, но оказалось - наоборот. Его охватывало удовольствие, когда по радио звучала знакомая мелодия или передавали какую-нибудь развлекательную, а то и познавательную передачу. Магнитофон создавал особую, уютную атмосферу и уже стал неотъемлемой частью автомобиля.

А ведь это его студенты настояли на том, чтобы он его купил. Надо было видеть, как же они напали на машину, когда Михаил всё-таки купил магнитофон и попросил их помочь установить его!

На самом деле именно его студенты помогли ему приобрести автомобиль. В последнее время они взяли над ним, можно сказать, шефство. Михаил не сопротивлялся, позволяя им делать то, что они считали нужным. Это было необходимо, чтобы полностью изменить всю его жизнь. А менять было что!

У тридцатидевятилетнего кандидата технических наук Михаила Владимировича Зюбровского жизнь рухнула в одночасье. Такое случается. Особенно, когда кажется, что всего добился: семья, просторный дом, любимая работа. Всё начало рушиться с семьи.

В один «прекрасный» день, погода тогда, как назло, действительно была замечательная, жена заявила, что больше его не любит. Что она нашла другого - более перспективного, а не какого-то там кандидата технических наук. И нет бы просто развестись - так нет же, напоследок она решила втоптать его в грязь. «Отблагодарила» за почти двадцать лет совместной жизни.

О-о! Какой же она закатила напоследок скандал! Как пыталась унижить. Какими только отборными выражениями ни поносила его! Михаил и представить не мог, что его любимая Надюша окажется такой стервой.

По натуре Михаил был миролюбивым человеком. Скандалов не переносил и старательно избегал их. Жена, зная это, утраивала такие сцены, что любая другая стерва могла бы позавидовать! Она мстила Михаилу – и сама не знала, за что, - но мстила упорно: с того самого момента, как решила его бросить, когда нашла другого и стала изменять.

Михаил не был мягкотелым. Он просто, как это бывает, растерялся. Поначалу он пытался миром разрешить возникший конфликт, потому что не знал причину его возникновения. Но всему бывает придел! Михаил сорвался. Ну достала, так достала! Он потом так и не мог объяснить себе, как это получилось. Опомнился, когда уже ударил жену. Нет, угрызения совести его не мучили. Наоборот - стало легче. Он почти двадцать лет терпел её выходки. А к слову сказать, Надежда была не подарок. Характер у Надюши был ещё тот! И она его продемонстрировала, закатив буквально через несколько дней после свадьбы первый в их совместной жизни скандал. Скандалила по любому поводу, а порой - и без всякого повода. Но Михаил всё надеялся, что «стерпится – слюбится». Друзья и родственники тоже твердили ему об этом. И он терпел, но только ради сына, которого очень любил. На него он тратил и отцовскую любовь, и ту, что предназначалась жене.

Однако с возрастом сын стал отдаляться. Михаил списывал это на то, что мальчик взрослеет, хотя нутром чувствовал: дело было в другом. Он понимал: в их отношениях что-то было не так, но вот что - понять не мог. И всё же, несмотря ни на что, он продолжал баловать сына, исполняя все его прихоти.

С годами желания сына возросли. И как-то раз, не вытерпев очередной прихоти Сергея, Михаил возмутился. Тогда жена и сын ополчились против него. Михаил разозлился не на шутку и все же настоял на своем, не стал им потакать. Жена потом ещё долго скандалила по этому поводу, а Сергей стал игнорировать отца. Однако Михаил надеялся, что они помиряются, и Сергей снова будет общаться с ним, как прежде. Но этого не случилось. В конце концов, он перестал пытаться помериться с сыном. Сергей вырос и поступил в военное училище. С тех пор они почти не общались. Нет, конечно же, Сергей присылал письма, но исключительно матери, буквально в двух словах упоминая об отце. Когда приезжал на каникулы, старался свести общение с отцом к минимуму. И все же Михаил гордился сыном. Гордился тем, что тот учится на отлично. Гордился тем, что из него выйдет настоящий офицер, который будет стоять на страже Родины – пусть это и звучит немного высокопарно. Михаил по-прежнему очень любил его и часто грустил о том времени, когда они были близки. Сам себе старался объяснить размолвку с сыном тем, что Сергей вырос и становится настоящим мужчиной - тем

более военным летчиком, которому нет дела до каких-то там сантиментов. Хотя когда Михаил видел, какие отношения у его друзей с сыновьями, он с трудом верил в версию, им же самим придуманную.

Да, тогда он действительно сорвался – впервые за столько лет. Потом ещё долго вспоминал тот момент, и так и не смог объяснить, как такое могло произойти. Вроде был обычный скандал. За последнее время их было столько, что можно было бы и привыкнуть. Но вот надо же – случилось: сорвался, не выдержал!

Михаил отчетливо помнил тот момент, когда все началось. Он, как мог, старался не обращать внимания на её выходки – попросту молчал. Но это только сильнее злило жену. В конце концов, ей стало мало просто кричать и унижать его – она бросилась на него с кулаками. Михаил поймал её за руки и оттолкнул. От неожиданности Надежда отлетела и, не удержавшись на ногах, рухнула на пол, благо на полу был ковёр. Мягко приземлившись и почти не почувствовав, боли она взвыла и вновь бросилась на него.

Им овладело дикое желание со всей силы кулаком ударить её по лицу, но в последний момент он всё же разжал кулак и тыльной стороной ладони наотмашь ударил Надежду, снова сбив её с ног.

- Козёл! – взвизгнула Надежда, поставив ударение на первом слогe. От этого оскорбление прозвучало еще обиднее. – По лицу не бей, сволочь!

- Ах, тебя по лицу не бить, – сквозь зубы процедил Михаил. – За личико переживаешь, сука!

Дальше он помнил всё смутно. А когда опомнился, то с ужасом осознал: от случившегося он получил удовольствие. Странно – с ним такого раньше не было. Когда-то он ведь её любил, но в тот момент в жене он ненавидел все! Его бесило даже то, как она в упор смотрела на него своими большими зелеными с желтоватым оттенком глазами. Сколько в них было ненависти!

Она делала все назло Михаилу, особенно в последнее время. Назло ему перекрасилась в блондинку. Ему и раньше не нравилась её короткая стрижка, а сейчас он её просто ненавидел! Стрижка в сочетании с худощавой фигурой делали её похожей на мальчика – скорее даже на мальчика–переростка.

Надежда боялась поправиться, постоянно сидела на диетах, а Михаил, наоборот, считал, что несколько лишних килограммов ей бы не помешали. Когда к тридцати годам она чуть прибавила в весе, выглядела даже ничего. Но потом её словно переклинило – она буквально помешалась на похудении.

Её курносый маленький носик, который он в шутку любил целовать, в данный момент раздражал его не меньше, чем её аккуратные губки – верхняя слегка вздернута. Когда она улыбалась, обнажала ряд безупречных белых зубов. Сейчас, когда она ехидно лыбилась, у Михаила возникло дикое желание дать ей по зубам, что бы она ими подавилась! Но нет – хватит, достаточно и одного раза. Михаилу казалось, что, ударив жену, он одержал над ней победу. Но он глубоко ошибался. Потом выяснилось, что Надежда специально спровоцировала его – так её науськал новый бойфренд. Кстати, он был гораздо моложе её. Это он ей напел, что в свои тридцать девять лет она выглядит не хуже молоденькой девушки. И она в это верила – дура! А ещё он уверял, что её муженек, то есть Михаил, старит её. «И как тебя угораздило выйти замуж за такого лоха?» – наигранно возмущался он.

Так вот, этот бойфренд и науськал Надежду спровоцировать Михаила, что она и сделала. Нет, конечно же, она не ожидала от спокойного, миролюбивого Михаила такого! Как говорить, перестаралась, за что и получила по заслугам. Но это картины дела не меняет: каждый получил, что хотел. Михаил – отвёл душу, излил всю ненависть, накопившуюся за годы. Надежда – отправилась снимать побои. Вроде бы ударил не сильно, а синяк получился знатный.

Скандал жена затеяла ради дома, точнее - той части, которая должна была отойти Михаилу после развода и раздела имущества. Все скандалы за последний год, как потом понял Михаил, сводились к одному: забрать у него дом. Что, в итоге, и произошло.

Суд стал на сторону Надежды. Она заявила, что муж её избил, а соседи подтвердили, что Михаил поднял руку на жену. Они не видели, как всё произошло, но слышали перепалку между ними. И, когда она выбежала из дома, поспешили ей на помощь. Это соседи вызвали милицию, а в милиции не стали особо вникать в суть дела, да и факт, как говорится, был налице.

Судья обязал Михаила выплатить штраф в пользу потерпевшей – сумму равную стоимости части дома, которая должна была достаться ему после развода, тем самым удовлетворив иск потерпевшей. Но этого ей показалось мало. Напоследок она решила позлорадствовать. Ей доставляло удовольствие издеваться над мужем, пусть уже и бывшим. Михаилу думал, что она ни когда не оставит его в покое. Но вскоре ей надоело. Надежда продала дом и спокойно уехала из города. Как потом сложилась её жизнь, Михаил знать не хотел. После случившегося он не позволял себе думать о судьбе бывшей жены. Надежда навсегда исчезла из его жизни, чему он впоследствии был не сказано рад. Однако тогда он переживал, страдал, терзался - и в итоге довёл себя до точки.

Суд оставил неизгладимый отпечаток в душе Михаила. Он считал, что запятнал себя настолько, что уже ни когда не сможет отмыться. Тогда Михаил ещё не понимал, что, несмотря ни на что, у него появился шанс начать всё сначала. Он обвинял себя и только себя в случившемся. «Всё, - решил Михаил. - Жизнь кончена!» Глупый, он не понимал, что в тридцать девять лет ещё не всё потеряно. Да, для него это был шок, но ведь всё, в конце концов, можно пережить и даже начать сначала. А если очень захотеть и очень постараться, можно превзойти самого себя. И вообще, в жизни можно многого добиться, если не сопьешься.

Этого-то Михаил и не понимал. Точнее - не хотел понимать. В тот момент единственным утешением для него стал алкоголь.

Нам часто нравится обманывать себя, всячески оправдывая собственные слабости. Когда человек спивается, он объясняет это обстоятельствами: мол, виновата жизнь, проблемы, усталость. Он ведь не алкоголик - он просто снимает стресс. Да мало ли можно придумать отговорку! А вот набраться смелости и сказать себе: «Друг да ты попросту спиваешься. Ты - слабак, не сумевший противостоять сложившимся обстоятельствам. Ты просто сдался!» - на это решаются не многие.

Некоторым везет: рядом в трудную минуту оказываются люди, которые не дают им раскиснуть. Заставляют, порой силой, бросить пить и наконец-то начать действовать. Так сказать - встряхивают!

Но хуже всего – остаться одному в такой момент. Именно это и случилось с Михаилом. Не то чтобы от него все отвернулись. Нет. Просто так сложилось, что настоящих друзей у Михаила тогда не было. Михаил был трудоголиком: он и семье-то времени уделял мало, не говоря уже о друзьях. Они на него не обижались - сами были такими же. Но вскоре постепенно перестали общаться. А Михаилу было стыдно поделиться с ними своим горем.

«Когда всё было хорошо - я про друзей не вспоминал, - думал Михаил. - А как стало хреново – вспомнил». Зря, конечно, он так думал. Ведь не зря же говорят: друг познается в беде. Но Михаил не стал проверять эту поговорку. Ему просто было стыдно открыться друзьям, рассказать о своём горе.

Из близких родственников у Михаила остался только престарелый отец. Мама давно умерла. Возможно, она смогла бы повлиять на Михаила. Она же все-таки мама. С отцом было иначе. Он во всем обвинял сына. Эти упреки со временем стали не выносимы, и Михаил почти перестал общаться с ним.

Коллеги по работе сочувствовали, пытались поддержать, но это было не то. Они его просто жалели. А ведь нет ни чего губительнее чем жалость: она делает любого человека, даже очень сильного, слабым.

Глава 2

«Я подобрала тебя на помойке!» – кричала во время последнего скандала Надежда, глядя прямо в глаза Михаилу. Сколько же ненависти, сколько язвительности она вложила в эту фразу, словно специально стараясь унижить его до невозможности.

А Михаил вспоминал, как она рыдала, умоляя его простить. Это случилось примерно через месяц после свадьбы – в день рождения тещи.

Перед тем как ехать на день рождения тещи, Михаил с Надей решили заехать к его родителям, которые тоже, разумеется, были приглашены на торжество. Дом родителей находился почти в центре города. Они не раз предлагали молодым жить вместе, однако Михаил с Надей решили иначе – хотели быть самостоятельными, поэтому снимали небольшой домик в старой части города. Все вместе отправились к назначенному часу домой к родителям Нади, которые жили в поселке примерно в двадцати километрах от города.

Чтобы не опоздать, они решили выехать пораньше – мало ли что может случиться, а опаздывать не хотелось. Но ни чего не произошло, и, поскольку времени до назначенного часа было предостаточно, решили пройтись пешком по поселку – скоротать время.

Начало сентября. Погода была изумительная: ярко светило солнце, а небо радовало глаз прозрачной синевой. На нём плыли несколько едва заметных, словно заблудившихся облаков. Лёгкий ветерок играл листвой деревьев, заполонивших улицы поселка. На улице, правда, было жарковато, но привычные к жаре южане не обращали на неё внимание.

Шли по пыльной улице посёлка – тротуаров не было, приходилось уступать дорогу изредка проезжавшим машинам, которые поднимали клубы пыли. Пыль медленно оседала, но на неё не обращали внимания – привычное дело. Из подворотен на прохожих лаяли собаки разных пород и разных мастей.

Михаил с Надей шли впереди, родители Михаила – чуть позади. Они не хотели мешать молодым, которые, не обращая ни на кого внимания, беззаботно болтали между собой. В то же время родители не хотели, чтобы молодые слышали их, поэтому разговаривали тихонько. Конечно же, разговор касался молодых.

- И все-таки, – любуясь невесткой и годясь сыном, спросил жену Владимир Никифорович, - что такого она нашла в нашем оболтусе?

- Ты что такое говоришь? – возмутилась Инна Ефимовна.

- А то и говорю: невестка нам досталась – раскрасавица! Смотри, словно статуэтка точеная. А глазища... зеленые, не иначе заколдовала. А наш-то какой-то нескладный.

- Чего это он нескладный? – заступилась за сына Инна Ефимовна. – В институте учится, отличник, на красный диплом тянет. И вообще, он ей под стать. Смотри – кудри какие! Да и ростом выше тебя, между прочим.

- Только ростом и выше, - усмехнулся Владимир Никифорович. - А так весь в меня, копия отец!

- Ты тоже какой-то не складный – передразнила мужа Инна Ефимовна.

- Складный, складный, - примирительно махнул рукой Владимир Никифорович. - Я не то имел в виду.

- А, что же тогда? – заглядывая мужу в глаза, допытывалась Инна Ефимовна.

- Да так, - уклончиво ответил он. – Только вот зачем усы начал отращивать?

- Хочет быть взрослее, - улыбнулась жена.

- Себе, что ли, отпустить? - задумчиво спросил Владимир Никифорович.
- Тебе-то зачем? И так старый! - лукаво улыбнувшись, пошутила Инна Ефимовна.
- Но, но, но! Я ещё ого-го! – наигранно возмутился отец.

- Здравствуйте, Инна Ефимовна! – раздался голос из двора одного из домов. – Рада вас видеть! Какими судьбами в нашем захолустье?

Михаил краем уха услышал, как окликнули его маму, но не придавал этому значения. В тот момент он увлеченно слушал Надю, которая беззаботно болтала, рассказывая какую-то свою девичью - наивную, но все-таки занимательную - историю. Он не сразу заметил, что окликнутые какой-то женщиной его родители остановились. Отец позвал его уже тогда, когда они с Надей свернули за поворот улицы.

Надя недовольно нахмурила бровки – ведь её прервали как раз, по её мнению, на самом интересном месте. Она остановилась. Михаил вернулся обратно. По сути, он лишь вышел из-за поворота. В этот момент мама как раз подошла к калитке, а к ней навстречу вышла улыбающаяся женщина. Та радостно приветствовала Инну Ефимовну, которая смущенно улыбалась. Женщина была в возрасте, и, судя по тому, что она обращалась к маме по имени-отчеству, Михаил понял: она - мать одной из маминых учениц.

Отец стоял посреди улицы и улыбался. Ему всегда нравилось, когда мама встречалась с родительницами. Владимиру Никифоровичу льстило, что это именно его жену так уважают чьи-то мамы. А уважать Инну Ефимовну действительно было за что. Она была, как говорят, педагогом от Бога! За доброту её любили ученики, за бескорыстие – их родители, за готовность прийти на помощь – коллеги, за умение учить детей, а это одно из самых важных качеств учителя, - начальство. Руководство училища по-настоящему уважало Инну Ефимовну - и было за что: своими открытыми уроками она не раз прославляла родное училище.

Михаил сообразил: этот разговор затянется надолго. Он нерешительно остановился на перекрестке. В этот момент его позвала Надя. Она обиженно надула губки и нахмурила брови, изображая недовольство. Запас времени, который у них был, заканчивался. Любая задержка грозила опозданием. Надя очень не любила опаздывать и от этого нервничала. Позвав Михаила, она только сильнее его смутила. Он растерялся, не зная, что делать. На помощь пришел отец. Увидев замешательство сына, он спас ситуацию:

- Ты не волнуйся, Мишань, мы догоним. А если не догоним - ничего страшного. Найдем дорогу, - сказал отец, улыбаясь.

Михаилу сразу стало легче. Слова отца его полностью успокоили. Отец работал водителем в торговом кооперативе и знал все поселки в округе как свои пять пальцев. Но все-таки Михаил попытался возразить. Он напомнил, что время уже поджимает, и что они с мамой могут опоздать. На что отец, усмехнувшись, ответил: «Мишань, ни чего страшного не случится, даже если мы немного опоздаем. Свою порцию горячительного я всё равно успею выпить».

Возразить отцу было не чем. Михаил лишь развел руками. Увидев реакцию сына, отец только шире улыбнулся, отчего Михаил окончательно смутиться. И тут он понял, что стоя на перекрестке и не решаясь идти, выглядит глупо. Михаил терпеть не мог чувствовать себя глупо и всякий раз сердился на себя, когда оказывался в подобной ситуации. И сейчас он снова разозлился. Рассерженно махнув рукой, он поспешил к жене.

Надя радостно заулыбалась, взяла его под руку и прижалась к нему. Михаил, конечно, начал отгаивать. Но она сама все испортила - что называется, подлила масло в огонь и испортила ему настроение.

- Не маленькие, - сказала Надя и потащила Михаила. - Не потеряются, найдут дорогу. А если опоздают - это их проблемы, - сказала она надменно, как будто про чужих.

Но это были не чужие для Михаила люди. Это были его родители! И то, как Надя говорила о них, окончательно разозлило его. Он остановился и резко вырвал руку. Надя опешила: она

не ожидала такой реакции от своего Миши. А в том, что он - её, она не сомневалась. Её - и точка! И делить Михаила с его родителями она не собиралась. Надя считала: она важнее! Да и кто для нее были родители Михаила? Чужие люди. Жаль, осознал это Михаил лишь спустя много лет - когда уже было поздно, когда многое нельзя было исправить.

А в тот момент, увидев, что Михаил рассердился, Надя поняла свою оплошность и сменила тактику. Она положила ему руки на плечи, встала на цыпочки и поцеловала. Михаил смутился. Нет, дело было не в том, что ему не понравилось, что любимая жена целует его посреди улицы. Нет, он не боялся, что их кто-то увидит. Просто он считал, что незачем выставлять их отношения на показ. Но поцелуй сделал свое дело - злость будто рукой сняло. Шальные огоньки в глазах Нади подействовали на Михаила почти магически. Нет, он все-таки попытался пожурить её, но получилось это неубедительно. Да и сама Надя едва ли обратила внимание на его нравоучения - пропустила их мимо ушей. Она попыталась сменить тему разговора и зашебетала что-то бессмысленное, но влюбленному Михаилу было всё равно. Он любил Надю. Любил всё в ней. Любил просто слушать её голос. Надя повторила попытку, увлекая Михаила за собой. На этот раз он уже не сопротивлялся.

Приготовление к празднованию дня рождения тещи подошло к логическому завершению: столы были накрыты. Однако Надя и её две сестры всё ещё суетились, завершая последние приготовления.

Время близилось к пяти часам, но жара не спадала. Зато под навесом, где были расставлены столы, было прохладно. Навес с трех сторон окружала виноградная беседка. Некоторые гости, спасаясь от зноя не дожидаясь особого приглашения, начали рассаживаться за столы. Кстати сказать, гостей было много. Впрочем, большей частью это были многочисленные родственники со стороны тестя, а так же те, с кем он работал и дружил. Со временем со многими из них тесть перессорился и перестал общаться. Пока же отношения выглядели дружескими, внешне сохранялась некоторая идиллия. Михаил считал её искусственной, хотя в целом его это мало занимало. Родственники и знакомые тестя тоже набивались к нему в друзья – кто ради выгоды, кто просто так. В принципе Михаил был не прочь дружить со всеми.

Были и родственники со стороны тещи. Они приехали издалека - как говорится, из российской глубинки. Их было не много: не все смогли приехать.

Теща, заметив, что часть гостей уже, не дожидаясь официального приглашения, заняла места за столами, любезно пригласила остальных присоединиться. Остальные гости, слегка суеясь, расселись по местам. Теща, как именинница, заняла почётное место во главе стола. Тесть сел рядом. Опоздавших решено было не ждать, хотя до назначенного часа ещё оставалось время.

Первый тост решил произнести тесть. Он встал, но не выпрямился до конца из-за больной поясницы, так и остался стоять, слегка согнувшись пополам. Зачем-то взъерошил, а затем пригладил выгоревшие на солнце до грязновато-желтого оттенка русые волосы. Посмотрел на жену, и в его почти выцветших голубых глазах мелькнул озорной огонёк. Он обнял её правой рукой за плечи и, наклонившись к ней, уже собирался сказать что-то ласковое, но теща резко оборвала его и сердито стряхнула с плеча его руку. И всё же было видно - ей это польстило. Просто при таком количестве гостей она, конечно, не могла позволить себе растаять от внезапного проявления нежности со стороны мужа. Вместо этого теща тут же вспыхнула возмущением и принялась укорять тестя в «излишней распушенности».

Вообще, странной они были парой. Тесть – высокий, худощавый; глядя же на тещу, с трудом верилось, что когда-то она была миниатюрной девушкой. Но теща нисколько не комплексовала из-за своей необъятности. «Хорошего человека должно быть много!» - любила повторять она. А вот Надя по поводу этой самой необъятности переживала. Не зря ведь говорят: «Хочешь увидеть, какой будет твоя жена – посмотри на тещу». Надя не хотела быть такой же необъятной, как мать. С возрастом это простое нежелание превратилось у неё в манию.

Теща уже давно перестала следить за своей внешностью, и это сильно раздражало Надю. Именно она настояла, чтобы теща ко дню рождения покрасила почти полностью седые волосы в тёмно-каштановый цвет и сделала стрижку. Почти насильно заставила мать нанести макияж и надеть купленные отцом к празднику платье и бусы. С этим теща ещё смирилась, но вот обувать туфли отказалась наотрез. В последние годы она ходила только в тапочках. Однако Надя была непреклонна, и теща в конце концов сдалась.

Обескураженный выходкой жены, тесть замялся, прокашлялся и, уже не глядя на тещу, заговорил. По натуре он был молчуном и, конечно же, толком говорить не умел. Он что-то мямлил о том, как любит свою жену, как счастливо с ней живет и всё в этом духе. Говорил он тихо; его почти не было слышно из-за магнитофона, который по непонятной причине включили очень громко. Гости особо тестя и не слушали. Они суетились, наполняя рюмки и бокалы, накладывая салаты и холодные закуски в тарелки. Горячее решено было подавать, когда придут опоздавшие.

Вскоре теще надоела болтовня тестя.

- Хватит мямлить! – грубо прервала она мужа.

Теща встала и провозгласила:

- Выпьем за мои шестнадцать!

Тост прозвучал вызывающе. Гости возбужденно отреагировали и над столами протянулись руки с наполненными рюмками и бокалами, которые тут же опустошили. Выпив, стали закусывать. Кто-то попросил убавить звук магнитофона - и сразу стало как-то легче. После того как гости закусили, последовал новый тост, за ним ещё один, и ещё...

Гулянка набирала обороты. Подходили опоздавшие гости, но родителей Михаила все ещё не было. От этого ему было как-то не по себе. Неприятное предчувствие мешало ему расслабиться. Не помогал и алкоголь. Вообще-то Михаил никогда не был силен «в принятии на грудь», а тут, как назло, его будто не брало. Возможно, так только казалось. Позже, вспоминая тот вечер, Михаил уже не мог точно определить, насколько он тогда был пьян.

Наконец во двор вошли родители Михаила. Взоры присутствующих обратились на них. Раздались радостные возгласы. Тёща и тесть засуетились, приглашая сватов к столу. Несколько гостей даже поднялись из-за столов, чтобы поприветствовать родителей Михаила.

Отец Михаила довольно улыбался - ему было приятно такое внимание. Он даже не сразу прошел к столу: постоял немного, поздоровался, пообнимался со счастливыми подвыпившими гостями. Отпустив несколько шуточек, не спеша занял предназначенное ему место. Тесть тут же подсуетился и наполнил свату рюмку. Тёща потребовала тост. Владимир Никифорович встал, собрался с мыслями, и начал свою хвалебно-поздравительную речь в адрес именинницы. Чтобы его было слышно, сестра Нады почти полностью убавила звук магнитофона. Отец любил и умел говорить тосты. Гости его внимательно слушали. С разных сторон раздавались реплики-подсказки, которые он ловко вплетал в свою речь. Но тост все же затянулся и вскоре был прерван чьим-то восклицанием:

- А не пора ли выпить за именинницу?

Владимир Никифорович тут же сообразил, что слегка переборщил, быстренько свернул свою речь и к всеобщему удовольствию провозгласил:

- За именинницу!

Раздался гул одобрения, и гости разом потянулись чокаться. Отец Михаила сначала чокнулся с тещей, затем - с тестем, а после - со всеми, кто был рядом и до кого можно было дотянуться.

В пылу празднования на маму Михаила почти никто не обратил внимания. Она и не стремилась к этому. Поздоровавшись, постаралась как можно незаметнее пройти к столу и быстро заняла отведенное ей место. Нарочно села рядом с Михаилом, предоставив отцу возможность расположиться рядом с тестем.

Михаил, несмотря на выпитое, сразу заметил: с мамой что-то не так. Это бросалось в глаза по тому, как старательно она пыталась показать, будто у неё всё в порядке. Пока отец произносил тост, Михаил наклонился к ней и тихо попытался узнать, что случилось.

- Потом все объясню, - коротко и очень напряженно ответила мама.

- Потом так потом, - согласился Михаил.

Он внимательно посмотрел на мать. По тому, как пылали её щеки, как бегали глаза, как она пыталась шутить и улыбаться, Михаил понял: произошло что-то из ряда вон выходящее.

«Что же такого могло случиться?» - задумался Михаил. Он перевел взгляд на отца. Тот выглядел совершенно безмятежно: улыбался, шутил, чокался со всеми подряд. Никаких намеков на беспокойство.

«Нет, отец не умеет притворяться. Это с его-то характером! Если бы что-то произошло, он бы не стал скрывать, - крутились мысли в голове Михаила. - Вот тебе и задачка с двумя неизвестными: отец совершенно спокоен, а мама - ну уж слишком взволнована. Нет, поссориться за это время они не могли...»

Зная своих родителей, он сразу бы заметил, если бы между ними произошла ссора.

«Нет, на ссору это не похоже. Тогда что? Вот что могло произойти такого, что так взволновало маму, о чем она так не хотела говорить?» - терзался Михаил.

Переживания отразились на его лице, да и на поведении тоже. Это заметила Надя. Конечно же, она принялась его расспрашивать. Михаил не знал, что ответить. Да и что он мог сказать, если сам толком не понимал, что произошло? Ему на помощь пришла мама. Она начала расспрашивать Надю о гостях. Та сначала отвечала нехотя, так как не получила ответа от своего Миши, но постепенно увлеклась и принялась знакомить свекровь с присутствующими.

Михаил не сводил взгляда с мамы. Он всё пытался уловить хотя бы намёк: что же могло так её взволновать? Уже хотел было снова заговорить с ней, но его опередил пьяненький тесть. Он увидел, что тарелка сватьи пуста и громко укорил зятя за невнимательность:

- Чего же ты мать-то голодной держишь?

И, не дожидаясь ответа, принялся ухаживать за сватьей. Она с удовольствием протянула ему тарелку, воспользовавшись этим внимание как спасением от лишних вопросов.

- Ишь как ты за сватьей-то ухаживаешь, а за мной – не-е-ет! – тут же, сверкнув глазами и изобразив улыбку, отреагировала теща.

Тесть, скорее по привычке, не обратил внимания на её колкость.

Мама Михаила почти ни чего не ела и так и не допила бокал домашнего вина. Посидев еще не много за столом она, сославшись на духоту и шум, тихонько извинилась и попросила тещу:

- Что-то мне не хорошо... Можно я прилягу где-нибудь?

Теща, посочувствовав, проводила её в дом. Вернувшись, она тихонько сказала Михаилу:

- Там это... маме твоей нездоровиться. Я её в зале на диван уложила. Может скорую вызвать? Какая-то она вся... больная.

Отец, услышав слова тещи, встрепенулся. Увлеченный гулянкой, он совершенно выпустил из вида жену. Лишь теперь заметив её отсутствие, забеспокоился и взволнованно попросил сына:

- Мишань, ты это... сходи, узнай, шо там... с матерью?

Михаил кивнул отцу. Поблагодарив тещу он, улучшив момент, вышел из-за стола и пошел в дом.

Мама обессилено лежала на диване и уже не пыталась скрывать своё недомогание.

- Что с тобой? – взволнованно спросил Михаил, опустившись на пол рядом с диваном.

- Шумно и душно... жара не дает покоя, – устало ответила мама.

- Может, вызвать скорую помощь? – спросила вошедшая Надежда.

- Не надо, я сейчас отлежусь, - устало воспротивилась Инна Ефимовна и добавила: - Мне бы домой...

- Хорошо, я сейчас вызову такси, - сказал Михаил, направляясь к телефону.

- Хорошо... если можно? – выдавив улыбку, сказала мама.

Диспетчер, узнав адрес, сообщила Михаилу, что такси будет примерно через тридцать минут.

- Вот и славно, - сказала мама, закрывая глаза. - А вы пока идите. Как приедет такси - позовете. А я пока подремлю...

Выходя из дома, Надя возмутилась, что такси из города в их поселок будет стоить дорого. Михаил не стал её слушать - ему было не до её высказываний. Единственное, что его хоть как-то успокаивало, – то, что он, как ему казалось, понял, что произошло с мамой.

- Это все из-за жары, - решил Михаил.

- Из-за жары так заболела? Не понимаю... - удивилась Надя.

- А ты как думала, - убежденно сказал Михаил.

Как же он ошибался. И как потом удивлялся тому, как мама выдержала после того, что ей рассказала родительница.

Михаил подошел к отцу.

- Там мама домой хочет, - негромко сказал он, наклонившись к нему.

- Как она? Сердце? – с тревогой спросил тот.

- Да нет. Говорит, плохо стало из-за жары. Да и шумно.

- Я к ней, - попытался встать отец.

- Не надо. - Михаил придержал его за плечи. Она попросила не беспокоить. Сказала, что полежит. Я такси вызвал.

- Ну, хорошо, - уступил отец. – Когда такси приедет - скажешь?

Михаил кивнул.

Такси, подъехав к воротам, сигналом возвестило о своем прибытии. Михаил вышел его встречать, а Надя поспешила в дом за свекровью. Инна Ефимовна вышла почти сразу - тихо, стараясь не привлекать к себе внимания, она прошла через двор. Да на неё особенно никто и не обратил внимания. Гулянка была в самом разгаре: гости шумели, смеялись, плясали. Они были в том состоянии, когда уже никто ни на кого не обращает внимания. Даже про именинницу вспоминали только тогда, когда собирались выпить. Кто-нибудь из гостей произносил дежурный тост типа:

- Ну, за именинницу!

Или:

- За здоровье именинницы!

В общем, что-то в этом духе. Выпив, наскоро закусив, гости продолжали веселиться.

Сквозь шум гулянки теща услышала сигнал такси и увидела, как Инна Ефимовна прошла через двор и вышла за калитку.

- Такси приехало, - сказала она отцу Михаила. - Сватья собирается уезжать.

Отец и тесть в это время беседовали о чем-то. Услышав о такси, отец встрепенулся, быстро махнул с тестем «на коня» и, наскоро попрощавшись, поспешил к жене. Тёща с тестем пошли их провожать.

Инна Ефимовна извинилась, что испортила праздник.

- Да ничего страшного, - заверила её теща.

Тесть, по своему обыкновению, молчал и глуповато улыбался. Михаил тоже засобирился ехать, но родители начали его отговаривать.

- Сынок, оставайся, мне уже полегче стало, - сказала мама, усаживаясь в такси.

- Да не переживай ты так, - успокоил его отец. - Я за ней присмотрю.

- Ты же выпил, - не сдавался Михаил.

- Так, шо теперь? Я и не много-то выпил, - возмутился отец. - Сказал, присмотрю - значит, присмотрю.

- Да действительно, сынок, - выглянув из такси, поддержала отца мама. – Не волнуйся ты так. Я просто устала, мне нужно отдохнуть.

На вид мама действительно выглядела уставшей. Но какое-то смутное чувство подсказывало Михаилу, что она лишь прикрывается усталостью, а дело-то совсем в другом. Мама словно прочитав его мысли, тихо спросила:

- Сможешь завтра приехать?

- Конечно, смогу! – с готовностью ответил Михаил. – Завтра же воскресенье.

- Ну, вот и хорошо. Значит, завтра и поговорим, – устало произнесла Инна Ефимовна, заканчивая разговор.

«О чем?» - едва не сорвалось с языка у Михаила, но он сдержался, видя, что мама не желает продолжать разговор.

- Ты, если что, сразу скорую вызывай, - обратился Михаил к отцу.

- Естественно, – заверил его отец и тоже сел в такси.

Михаилу ни чего не оставалось, как уступить. Родители уехали, а он почти сразу пожалел, что не поехал с ними. Странное волнение и предчувствие чего-то не хорошего не давали ему покоя. Да и веселиться после случившегося особо и не хотелось.

Глава 3

На следующий день Михаил поехал проведать маму. Надя нашла предлог остаться: захотела ещё немного погостить у тёщи. Михаил не стал и возражать - он понимал, что ей хочется побыть у своей мамы. Они договорились, что к обеду Надя сама приедет домой. В целом он даже был рад, что она осталась. Мама довольно прозрачно намекнула, что хочет поговорить с ним с глазу на глаз. То, что Надя не поехала, было ему как раз на руку.

Михаил приехал домой к родителям. Отец копошился в огороде.

- Привет па! Как там мама? – окликнул его Михаил.

- Приве-ет! – обрадовался отец, увидев сына. Он прервал свое занятие, подошел к нему и протянул измазанную землей руку.

Михаил крепко пожал её - у них так принято было.

- Как там мама? - повторил он свой вопрос.

- Она в доме, - спохватился отец. – Заходи.

- Как она?

- Да вроде лучше, - с сомнением произнес отец. – Что-то её вчера разволновало, а я с этой гулянкой совсем упустил из виду, что именно... – оправдывался он. – Мне она не хочет говорить, - с обидой добавил Владимир Никифорович. – Может, тебе расскажет. Пойди, поговори с ней.

- Скорую не вызывали? - поинтересовался Михаил.

- Нет, так обошлось. Да ты зайди, поговори с ней, что ты меня-то пытаешь.

- Хорошо, - согласился Михаил.

Он пошел в дом, а отец вернулся к своему занятию. Когда вошел в зал, то увидел маму, лежащую на диване с закрытыми глазами. Окна были зашторены, в комнате царил полумрак, тихо работал телевизор. Судя по всему, она его слушала.

- Мам, ты спишь? – почти шепотом спросил Михаил.

Инна Ефимовна встрепенулась. Его вопрос вывел её из забытья. Она попыталась встать, но движения были неловки. Михаил поспешил успокоить её:

- Лежи, лежи, не надо вставать. Как ты себя чувствуешь?

- Со мной всё более-менее в порядке, - ответила мама, грустно улыбувшись. - Я просто переволновалась.

- А я-то думал, это из-за жары... Как сердце? – с тревогой спросил Михаил.

- Нет, - тяжело вздохнула Инна Ефимовна. - Жара тут не причем. Сердце, конечно, дало о себе знать... но это не из-за него.

- Что же тогда заставило тебя так волноваться? - недоумевал Михаил. - Вроде все было нормально?

Инна Ефимовна ответила не сразу. Она напряглась, собираясь с мыслями. Михаил, не получив, ответа тоже молчал. Он смотрел на мать и видел, как её охватывает волнение. Это волнение передалось ему. Он ещё не знал причины того смятения, что терзало её, но чувствовал: мама собирается сказать что-то очень важное.

Инна Ефимовна глубоко вздохнула, закрыла на мгновение глаза – и, решившись, произнесла на одном дыхании:

- Твоя жена... шалава местного разлива!

- Что за чушь?! – вырвалось у Михаила.

- Это не чушь, - сказала Инна Ефимовна и почему-то попыталась улыбнуться, но не сдержалась - из её глаз потекли слезы. Не в силах больше держать себя в руках, она закрыла лицо ладонями и зарыдала.

Михаил растерялся. Он присел рядом с мамой на край дивана, пытаясь успокоить, гладил её по волосам. Она приподнялась, уткнулась ему в плече и обняла. Вскоре Михаил почувствовал, как горячие слезы намочили рубашку.

От неожиданности он не знал, что сказать. Да и слова сейчас были ни к чему. Главное – успокоить маму.

- Ты что, не понял, что я тебе сказала? – возмутилась Инна Ефимовна, отстранившись от сына.

Она посмотрела на него в упор мокрыми от слез глазами.

- Ты что, не понял? – удивленно, почти шепотом, повторила она вопрос.

- Понял, - растерянно ответил Михаил. - Только с чего ты это взяла?

- Мне Светлана Петровна сказала.

- Какая ещё Светлана Петровна? – удивился Михаил.

- Та родительница, с которой мы встретились на улице, когда шли на день рождения мамы Нади.

Михаил вспомнил, как мама довольно дружелюбно разговаривала с теткой на улице. Тогда он заметил её косой, недружелюбный взгляд в их сторону. Но в тот момент они спешили, и ему не было ни какого дела до того, как на него смотрит какая-то посторонняя женщина.

- И что ещё она тебе наговорила? – начиная сердиться, спросил Михаил.

Инна Ефимовна откинулась на спинку дивана. Одной рукой она держала сына за руку, другой закрыла лицо. Из-под ладони потекли слезы.

- Она сказала, что её часто видели в придорожной забегаловке.

- Ну и что? – окончательно рассердился Михаил. – Что здесь такого? – спросил он, чеканя каждое слово.

- Как что? – возмутилась Инна Ефимовна.

От удивления она даже перестала рыдать. Её лицо исказила гримаса гнева. Резким движением она смахнула слезы.

- Ты разве не понимаешь?! Она там была не просто так. Она там работала... проституткой!

Инна Ефимовна с особой ненавистью произнесла это слово и тут же осеклась, словно сказала что-то ужасное.

- А этот её «парень», - уже шепотом продолжила она, - был её сутенером.

- Какой ещё парень? – с трудом осознавая сказанное, удивился Михаил.
- Тот, которого потом убили, - округлив глаза, пояснила Инна Ефимовна.
- Ты прямо какие-то голливудские страсти рассказываешь, - вырвалось у Михаила
- Что значит «голландские страсти»? - вспыхнула Инна Ефимовна. - Ты мне не веришь?

Да её все дальнотойщики знали! И не только они!

По лицу сына Инна Ефимовна поняла: Михаил ей не верит.

- Ну, раз ты мне не веришь... - вконец обессилив, сказала она, закрыв глаза. - Тогда... тогда спроси у неё.

- Хорошо. Я поговорю с ней, - твердо произнес Михаил.

- Вот-вот... поговори... поговори с ней. Что она тебе скажет? - спросила Инна Ефимовна и снова заплакала.

Мама плакала без слез, вздрагивая и задыхаясь. Михаил всерьез испугался за неё.

«Как бы с ней чего не случилось», - пронеслось у него в голове.

- Где твои капли? – спросил он, оглядывая зал.

- Не надо... ничего мне не надо!

- Надо. Ещё как надо, - настоял Михаил.

Инна Ефимовна ничего не ответила - да она и не в силах была что-то сказать. Рыдание буквально душило её.

- Где капли? – уже сурово переспросил Михаил.

Не говоря ни слова, Инна Ефимовна слабым жестом указала на сервант. Михаил мгновенно сообразил, где именно находятся капли.

- Чистая? - поинтересовался он, взяв стакан с водой, стоявший на журнальном столике.

Инна Ефимовна кивнула. Михаил накапал лекарство, немного больше положенного, и протянул стакан маме. Она, давась, выпила.

- Еще воды? – обеспокоенно спросил Михаил.

Инна Ефимовна кивнула в ответ. Он сбегал на кухню и принес полный стакан.

- Зачем так много? – уже постепенно успокаиваясь, спросила мама.

Подержав стакан в руке и не найдя, куда его поставить, она почти спокойно попросила сына:

- Постав его на столик.

Михаил поставил стакан на столик и пододвинул его к дивану так, чтобы в случае чего ей было удобно взять воду. Инна Ефимовна слабо улыбнулась, оценив заботу сына.

- Отец ничего не знает, – сказала она, предостерегая его. – Он стоял далеко, когда я разговаривала со Светланой Петровной, а она, оказавшись порядочной женщиной, не стала кричать на всю улицу.

- Да уж, порядочная... - рассерженно усомнился Михаил. - Довела тебя, а сама, небось, и рада.

- Зря ты так. Ты вот лучше поговори со своей Надей, - сказала Инна Ефимовна и снова начала всхлипывать. Предательские слезинки вновь навернулись у неё на глазах.

- Ну, ну, ну, перестань... – Михаил крепко обнял маму за плечи, успокаивая. - Не надо, не накручивай себя. А с Надеждой я обязательно поговорю, – заверил он её.

Вскоре мама начала дремать. «Лекарство подействовало», - подумал Михаил. Он сидел рядом с ней. Она лежала с закрытыми глазами и легонько сжимала его руку. Дыхание её становилось ровным. Усилие, с которым она сжимала руку Михаила, постепенно ослабевало.

Михаил посидел рядом с ней ещё какое-то время, потом аккуратно, стараясь не разбудить, высвободил руку. Тихонько, крадучись, на цыпочках он вышел из комнаты и так же тихо прикрыл дверь. Дверь предательски скрипнула. Инна Ефимовна вздрогнула во сне, но не проснулась. Сон вновь захватил её в свои объятия. Михаил посмотрел сквозь щель – мама спала. Убедившись, что не разбудил её, он плотно закрыл дверь.

Михаил вышел во двор. Отец курил сидя под навесом. Рядом, прислоненная к стене, стояла тляпка.

- Жарко уже, - заговорил Михаил. - Заканчивал бы ты!

- Да я и так почти сделал всё, что наметил на сегодня. Ещё не много - и готово.

- Ну вот и ладно.

- Останешься? – спросил отец.

- Да нет, – уклончиво ответил Михаил. – Тут у меня одно очень важное дело нарисовалось.

- Какое еще дело? Мать болеет, а у тебя дела! - рассердился и одновременно обиделся отец.

- Да есть тут одно очень важное, – уклончиво оправдывался он. – Я ей лекарство дал, она заснула. Ты там, если что?

- Да, конечно же! – возмутился отец. – Конечно же, я за ней присмотрю.

- Ну вот и хорошо. А мне действительно надо.

- Ну раз надо, так надо, - сдался отец. – Завтра заедешь?

- Постараюсь, вечером. Ну ладно, мне пора, - поспешил распрощаться Михаил.

- До завтра, - попрощался, точнее, приказал отец.

- Да-да, завтра буду. - Михаил поспешил уйти. Он был рад, что отец не стал его ни о чём расспрашивать. Не хватало ещё отца впутать в это дело.

Глава 4

«Бедная мама, - размышлял Михаил, - с её-то моральными принципами... Она учитель, а тут вдруг такое. С этим надо разобраться. Ну не дай бог, тетка наврала - я её просто убью! А если не соврала?! А если это правда?! Не может быть! Моя Надя - и вдруг такое... Нет, с этим надо определенно разобраться».

Он не заметил, как оказался возле домика, который они с Надей снимали. Домик был в ужасном состоянии - весь перекошенный, постройка времен царя Гороха, с печным отоплением и всеми удобствами во дворе. Окружал его полуразвалившийся, полусгнивший забор. Единственное, что было новым, – калитка. Её Михаил сделал сам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.